

Истина только одна

— Это... судебное заседание Вероники? — отреагировал Эйден.

— Да-да, в её разбитых снах эта сцена встречалась чаще всего, — Фей сидела рядом с ним, протягивая бумажный пакет с попкорном.

Эйден не взял его и не стал есть. Не было уверенности, что суккуб не воспользуется случаем и не обманет его. Может быть, в реальности он обнимал подушку из лазарета и жевал её, пока ел в этом сне.

Это было очень странное судебное заседание, судья, прокурор и присяжные выглядели как гиганты ростом более трёх метров. У всех этих гигантов не было ни глаз, ни ушей, единственными их чертами были носы и огромные рты. Такое очень странно наблюдать.

И только они двое были живыми из зрителей, все остальные места занимали бесчувственные марионетки. После того как судья огласил приговор, руки этих марионеток словно подняли вверх на невидимых шелковых нитях, и они начали аплодировать.

— Смертная казнь! Смертная казнь! Смертная казнь! — прокричали в унисон марионетки, повторяя слова судьи – у них не было ни горла, ни рта, но они все равно кричали, как будто за каждой куклой стоял невидимый кукловод, который в унисон чревовещал через них.

— Почему эти люди выглядят так странно? — Эйден огляделся вокруг.

— Это мир её снов, а сны должны быть странными. Образы этих персонажей сложились на основе впечатлений, которые эти люди произвели на её подсознание, — ответила Фей, кушая попкорн.

— А как насчет её самой? — Эйден снова указал на скамью подсудимых.

Маленькая девочка с волчьими ушами, очень похожая на Веронику, сидя за скамьей подсудимых, оглядывала свои руки и ноги, её глаза были переполнены слезами.

— Многие люди видят себя во сне детьми, когда чувствуют себя неуверенно, — спокойно объяснила Фей. — В их памяти детство – это время, когда они наиболее уязвимы. Как только во взрослой жизни они ощущают чувство беспомощности или агрессии, они связывают это чувство с воспоминаниями о своём детстве.

Выслушав объяснения Фей, Эйден понял.

Вот что оставило в памяти Вероники то судебное заседание: процесс, в котором обвинитель, судья и присяжные, судившие её, были гигантами, с которыми она бессильна бороться. Гигантами слишком слепыми и глухими, чтобы увидеть правду или выслушать её аргументы.

Зрители были немymi марионетками, которые радостно аплодировали финалу «злой оборотень-полицейский наказан по закону», не понимая, что их обманывают и манипулируют ими.

Сама она, несмотря на то, что родилась с силой чистокровного оборотня, остаётся слабой и беспомощной девочкой, находящейся на противоположной от них стороне.

— Смертная казнь! Смертная казнь! Смертная казнь! Смертная казнь!

Судья, присяжные, прокурор и марионетки на галерее кричали в унисон, протягивая руки с большим пальцем вниз.

В старые времена, когда ещё существовала дурная практика гладиаторских боев, зрители голосовали за жизнь или смерть проигравшего. Большой палец указывал вверх в знак того, что проигравшему разрешается жить, а большой палец вниз – смерть от рук победителя.

Вероника открыла рот, чтобы закричать от возмущения, но из её горла не вырвалось ни звука, словно невидимый барьер накрыл её и отрезал все звуки, которые она издавала.

Звук, с которым весь суд кричал о её смерти, был оглушительным, но она могла лишь комично размахивать руками и напрасно открывать рот, словно снималась в немом кино.

Эйден молча наблюдал за этой абсурдной сценой. В действительности бесчисленное множество людей боялись Вероники, чистокровного оборотня. Её жестокость и сила пугали как охранников, так и заключенных. Местные жители и коллеги, узнав о её природе оборотня, испытывают похожие чувства.

Однако в подсознании самой Вероники всё было наоборот: все здесь хотели убить её, а она была просто бессильна сопротивляться.

Тем не менее Эйден был очень осторожен: — Само по себе это не означает, что она невиновна, не так ли? Я видел немало заключенных с извращённым разумом, которые настаивают на том, что их преступления оправданы. Они решают, что законный суд – это форма преследования для них.

— Но я видела много сцен в её снах, но не нашла ни одной, которая относилась бы к убийству. Если она так обеспокоена тем, что её приговорили к смерти, разве не осталось бы в её сознании впечатления об убийстве? Это совершенно нелогично, — Фей с решительным видом подняла палец и даже использовала магию иллюзий, чтобы создать для себя шляпу и трубку

как у детектива. — Значит, правда только одна - её обвинили несправедливо!

— Ладно, я понимаю, что ты хочешь сказать, — задумчиво кивнул Эйден. — Сними иллюзию.

Фей щелкнула пальцами, и сознание Эйдена в мгновение ока вернулось из иллюзии в реальность, как раз в тот момент, когда вошла Френда и отдала ему честь: — Надзиратель!

— Как допрос? — обернулся к ней Эйден.

— Их признания на первом допросе совсем не совпадали, поэтому я спросила их снова, вот отчёт, — Френда с уважением протянула записи.

Эйден быстро пролистал её: признания Анны и Кэтрин в самом начале указывали на Веронику, но многие детали противоречили друг другу. Очевидно, были проблемы - но это понятно, вмешательство Вероники было для них неожиданностью. С того момента, как их избила Вероника, и до задержания охраной, у девушек не было времени переговорить.

Когда Френда допросила их во второй раз, их признания стали чуть более правдоподобными: они признались, что шантажировали Фей, и большинство деталей совпадали со словами Вероники и Фей. Единственное противоречие - они обвинили друг друга в организации шантажа Фей, а про себя сказали, что оказались лишь вынужденными соучастницами.

— Эти двое действительно праведные и справедливые люди, — Эйден насмешливо улыбнулся и вернул записи Френде. — Обоих заключить в карцер на десять дней, а уровень обращения снизить до самого низкого. Дело о вымогательстве будет возбуждено отдельно, поздравьте их с тем, что сроки заключения снова продлены.

— Понятно, а что нам делать с Вероникой?.. — осторожно спросила Френда, осознав, что почти напрасно обвинила Веронику в произволе.

— Полдня в карцере, а утром отправить её обратно в камере, — отдал распоряжение Эйден.

— А её... тоже нужно запереть? — Френда немного засомневалась.

— То, что она остановила парочку из шестой камеры можно считать добрым делом, но она бросила мыло на пол так, что другая заключенная поскользнулась и ударилась. Это частично её вина, мы должны действовать по правилам, — Эйден улыбнулся.

— Хорошо, я поняла, тогда я переведу кого-нибудь из ночной смены присматривать за ней, — ответила Френда.

— Нет, я пойду сам, — махнул рукой Эйден. — Так получилось, что мне есть о чем спросить её наедине.

<http://tl.rulate.ru/book/100692/3472227>